

СООБЩЕНИЯ

М. П. ЛЕСНИКОВ

НИДЕРЛАНДЫ И ВОСТОЧНАЯ БАЛТИКА В НАЧАЛЕ XV в.*

Из истории торговых сношений

В обширной литературе по истории немецкой Ганзы едва ли найдется работа, посвященная торговым сношениям северо-западной Руси, ливонских городов и Пруссии с Нидерландами и, в частности, с Фландрией, этой «мастерской мира» того времени. И этот пробел — явление далеко не случайное. В обычном и глубоко укоренившемся представлении торговые сношения Балтики и Северного моря выступают не в виде сети нитей, в разных направлениях пересекающих эти водные пространства и связывающих друг с другом прилегающие к ним страны, но в виде пучка лучей, сходящихся или исходящих из одного центра, именуемого Ганзой». На первый план выдвигаются не те страны, между которыми совершается товарообмен, а те посредники, при помощи которых он происходит. Говорят о сношениях ганзейцев с Новгородом, со Скандинавией, с Англией, с Нидерландами. Но спрашивается, кто же, собственно, этот другой, если так можно выразиться, географический контрагент этих стран? Ганзейский ли союз в целом, или купцы — уроженцы ганзейских городов, или отдельные пункты и центры Ганзейского союза? Очень легко политический центр Ганзы, которым до известной степени был Любек, в обычном представлении превращается и в экономический центр, к которому ведут если не все, то огромное большинство торговых путей Балтики. Любек превращается в своего рода торговую столицу Балтики, любекское купечество — в гегемона балтийской и североморской торговли.

Такое впечатление в особенности создается в отношении балтийской торговли, но в известной мере это относится и к сношениям с Фландрией. Ганзейская торговля во Фландрии в значительной мере представляется как любекско-фландрская торговля. Создается впечатление, что торговые связи Новгорода и ливонских городов в общем непосредственно почти не шли дальше Любека. Любек — центральный передаточный пункт, и любекское купечество — обязательный, необходимый, единственный посредник между Новгородом и Восточной Балтикой, с одной стороны, и странами Западной Европы — с другой.

Следует решительно оспаривать подобные взгляды, и уже самое заглавие нашей статьи является таким возражением. Мы будем говорить именно о непосредственных сношениях Восточной Балтики с одним из самых передовых экономических районов Западной Европы.

В отличие от указанной выше концепции, мы, наоборот, считаем, что Любек, стоявший в стороне от большой морской дороги из Западной Европы в Балтику, играл в сношениях между Восточной и Западной Европой скорее чисто техническую роль; это — большой перевалочный порт на Балтийском море с сухого пути на морской транспорт и обратно, так же как Гамбург на Северном море. Далек не всегда связи Новгорода и городов Восточной Балтики с Любеком являлись торговлей именно с этим городом. Любек — лишь промежуточный этап в их торговых сношениях с побережьем Северного моря, в первую очередь с Нидерландами, Англией, Францией, в сношениях, которые могли совершаться и даже в большей степени совершались непосредственно. Товар шел через Зунд или транзитом через Любек, и представители любекского купечества очень часто не играли какой-либо организационной роли в этих торговых операциях.

В настоящей статье мы хотели бы поделиться некоторыми наблюдениями, которые нам

удалось, сделать при изучения ряда материалов, как опубликованных, так и архивных, хотя давно уже извест-

* В основе настоящего сообщения лежит доклад, прочитанный автором на научно-методической конференции Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина 1 марта 1951 г. Более подробное изложение и обоснование наблюдений и выводов, сообщаемых автором, дается им в ряде опубликованных и находящихся в печати статей-этюдов к монографии о нидерландско-балтийской торговле конца XIV — начала XV в. [451]

ных, но совершенно не использованных историками. Изучение этих материалов заставляет во многих случаях совершенно изменить некоторые установившиеся взгляды не только на ганзейскую, но, говоря шире, и на всю средневековую торговлю. Однако ни в настоящей статье, ни в подготавливаемой нами монографии мы не ставили себе задачи равномерно затронуть всю совокупность вопросов, связанных с данной темой; мы стремились лишь возможно больше и глубже избородить белые пятна в истории средневековой торговли, в частности новгородско-балтийско-нидерландской, проходя беглым шагом или совершенно обходя относительно лучше обследованные области. Этим объясняется некоторая отрывочность изложения.

Прежде всего — два слова о наших источниках. Привлекаемый нами архивный материал — это архив ганзейского купца начала XV в. Гильдебранда Фекингузена. Торговая переписка его, состоящая более чем из 540 писем и охватывающая период времени примерно с 1400 по 1430 г. (наибольшее число писем приходится на 1410—1420 гг.), и торговые его книги (8 единиц) хранились в Таллинском городском архиве. В настоящее время сохранились только две торговые книги, остальные во время войны были вывезены в Германию, и судьба их до сих пор неизвестна. Материалы эти открыл еще в 80-х годах XIX в. проф. Вильгельм Штида, который в 1921 г. издал переписку Фекингузена¹, а торговые книги так и остались неизданными. Но хотя переписка и увидела свет уже 30 лет назад, однако она до сих пор совершенно не была предметом научного исследования², несмотря на исключительную редкость этого типа исторических источников и чрезвычайную ценность содержащихся в ней сведений.

Гильдебранд Фекингусен был родом из Любека, но около 20 лет прожил в Брюгге и оттуда вел свои торговые дела. Эти материалы, таким образом, являются прежде всего единственным по своей ценности источником для изучения Брюгге как рынка, а, как известно, Брюгге был крупнейшим центром торговли в Западной Европе в XV в. Родством и свойством (он был женат на дочери рижского купца Энгельбрехта Витте) и своими торговыми делами Фекингусен был тесно связан с Ливонией и даже Новгородом, и эти связи хотя и менее полно, но тоже хорошо отразились в архиве.

Чрезвычайно интересную и очень важную параллель к бумагам Фекингузена представляют собой торговые книги Тевтонского ордена. Они относятся к тому же самому времени — концу XIV и первым десятилетиям XV в.— и содержат в себе массу ценнейших данных по торговым сношениям Пруссии как с Нидерландами, так и с Ливонией и Новгородом. Книги эти были изданы в 80-х годах XIX в.³ и до последнего времени также не подверглись систематическому исчерпывающему изучению. В ходе изложения мы укажем еще на ряд документов.

Наши материалы относятся к концу XIV и началу XV в. Нидерландско-балтийской торговли за предыдущий период мы коснемся весьма кратко, хотя вопрос этот тоже мало освещен в литературе и очень интересные данные оставлены без внимания.

Древнейшим свидетельством экономических связей Новгорода с Нидерландами является известная грамота князя Всеволода Мстиславовича церкви Ивана на Опоках, датированная 1134—1135 гг.⁴ В ней упоминаются два сорта нидерландского сукна: «ипское» и «тумасское». Название «ипское сукно» не вызывает сомнений,— это ипрское сукно, но термин «тумасский» до сих пор остался, повидимому, загадочным для исследователей

истории Новгорода, впрочем, вообще обративших мало внимания на эти данные. Термин этот, однако, расшифровывается без затруднений и вскрывает при этом очень любопытную экономическую связь. «Тумасский» — это транскрипция нижненемецкого названия *tomasch*, или *tomass*, сукна из *Sunte Thomas*. Таково немецкое название фландрского города Сент-Омэр. Речь идет, очевидно, о сент-омэрском сукне⁵. В Новгороде, таким образом, уже в первой половине XII в. имелось ипрское и сент-омэрское сукно. Отсюда следует, что между Новгородом и Фландрией уже в начале XII в. существовали торговые связи. Специалистам по истории СССР необходимо решить вопрос о точной датировке этой грамоты и ее различных вариантов. В связи с этим стоит ряд очень важных вопросов не только нидерландско-балтийской торговли, но и промышленного развития Нидерландов. Возможно ли, в самом деле, предположить уже в XII в. столь высокое развитие суконной промышленности в Ипре и Сент-Омэре, выраба-

¹ Hildebrand Veckinchusen. Briefwechsel eines deutschen Kaufmanns im XV Jahrhundert, hrsg. von W. Stieda. Leipzig, 1921.

² Она широко использована только в нашей статье «Ганзейская торговля пушниной в начале XV века». («Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. VIII. Кафедра истории средних веков, М., 1948, стр. 61—93).

³ C. Sattler. Die Handelsrechnungen des Deutschen Ordens, Leipzig, 1887.

⁴ Текст в двух вариантах см.: Г. Е. Кочин. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Л.— М., 1935. стр. 40 — 46. Статья А. И. Никитского, Святой Великий Иван на Опоках («Журн. Мин. нар. просв.», 1870, № 8, стр. 201— 224) рассматривает эту грамоту исключительно с юридической точки зрения, совершенно не касаясь ни экономических вопросов, ни вопроса о ее датировке.

⁵ В торговых книгах Фекингузена и Тевтонского ордена имеются десятки записей продажи и покупки этого сукна. [452]

тывающей товар для такого отдаленного рынка? Можно ли полагать, что экономические связи Фландрии с Восточной Балтикой намного предшествуют основанию Любека (1143) и Риги (1201)? Если верить грамоте, то оказывается, что фландрские сукна появились в Восточной Балтике раньше, чем на Шампанских ярмарках. Отсюда можно было бы сделать вывод, что торговля с Восточной Балтикой явилась могущественным стимулом экономического расцвета Фландрии.

Но если данные XII в. вызывают некоторые сомнения, то свидетельства XIII в. бесспорно говорят об оживленных непосредственных сношениях с Фландрией. Рига массами вывозит туда воск. Сношения эти очень конкретно отражены в рижской долговой книге XIII в.⁶ Сделки совершаются в кредит, расчеты ведутся во фландрской валюте. Вопрос об этих сношениях Риги с Нидерландами тоже совершенно не освещен в исторической литературе.

Из многочисленных данных, относящихся к XIV в., отметим ряд записей в ревельских таможенных книгах 70-х и 80-х годов о кораблях, отправляющихся во Фландрию или прибывающих оттуда⁷. Стоимость груза исчисляется нередко во фландрских денежных единицах (ливрах). Издатель этих таможенных книг Штида совершенно игнорировал это обстоятельство. К сожалению, вследствие неполноты записей в этих книгах (указана только стоимость товара) чрезвычайно трудно, а иногда и прямо невозможно восстановить номенклатуру и количество ввозимых и вывозимых из Ревеля товаров.

Оживленные непосредственные сношения Восточной Балтики с Фландрией особенно выпукло и конкретно выступают в изученном нами печатном и рукописном материале начала XV в.

Прежде всего отметим, что купечество ливонских городов — важный элемент в колонии немецких купцов в Брюгге, оно там образует особую группу — «ливонскую треть», и в записях торговых книг и в переписке Фекингузена сплошь и рядом встречаются имена дерптских и рижских купцов, приехавших или временно проживающих в Брюгге.

Далее в торговых книгах Фекингузена сплошь и рядом отмечено, что товар направляется прямо в Ревель или Ригу. Нередко можно встретить одни и те же имена капитанов в записях

об отправке или получении товаров и в Брюгге, и в ливонских городах. Иногда можно проследить по документам выход корабля из Риги или Ревеля и прибытие его в Брюгге. К сожалению, не всегда точно указаны обе даты, поэтому только иногда можно установить продолжительность рейсов из ливонских городов во Фландрию. Вот несколько примеров таких прямых рейсов. Племянник Энгельбрехта Витте, Эверт Снойе, отправляется с товаром из Брюгге 20 августа 1404 г. и прибывает в Ригу 6 октября. Рейс продолжается семь недель. 8 мая 1407 г. из Риги вышел корабль Лаврентия Штейна и прибыл в Брюгге 14 июля. Рейс длился очень долго — почти 10 недель.

Что касается Пруссии и в частности Гданьска (Данцига), то несомненно почти вся морская торговля его с Западом шла совершенно независимо от Любека через Зунд.

Наш ганзейский купец Фекингусен, обосновавшийся в Брюгге, почти все товары из Пруссии получает с кораблями, пришедшими прямо из Данцига, и таким же образом отправляет туда на продажу нидерландское сукно и другие товары.

В бумагах Фекингусена мы имеем ряд очень точных данных о прямых рейсах между Фландрией и Данцигом. Например, 24 мая 1408 г. груз был отправлен из Данцига. 20 июня корабль прибыл в Брюгге. Длительность рейса 29 дней.

Тем же путем через Зунд идет и торговля Тевтонского ордена с Брюгге.

На весьма оживленные непосредственные торговые сношения Польши с Фландрией в XIV веке, идущие через Гданьск, указывает ряд польских историков. Богатые краковские купцы, например, на своих кораблях везут в Брюгге венгерскую медь и другие товары, а вывозят оттуда большие партии фландрских сукон. Рейсы кораблей, принадлежащих польским купцам, во Фландрию — обычное явление еще в XIV в. Оживленные морские торговые сношения Польши с Фландрией прерываются лишь в моменты самых острых столкновений Польши с Тевтонским орденом⁸.

Чем торговала Восточная Балтика с Нидерландами?

Вопрос о ввозе в Новгород, Ливонию, Пруссию не вызывает больших сомнений: и скудные остатки таможенной статистики, и сохранившиеся деловые бумаги, и торговые книги говорят нам о господствующем месте, которое занимало в балтийском импорте нидерландское сукно. Но наши материалы позволяют внести некоторые коррективы в господствующие взгляды и уточнить и конкретизировать некоторые стороны вопроса.

Если одним из важнейших импортных товаров являлось сукно, то возникает вопрос, какое сукно, каких сортов (в Нидерландах их было несколько сотен)? В немецкой литературе господствует мнение, что, в частности, в Новгород ввозили дешевые сорта сукна, которые, однако, вполне удовлетворяли, по словам этих историков, вкусам и потребностям обитателей этих «полуварварских» стран.

Но чтобы иметь обоснованное суждение

⁶ Das Rigische Schuldbuch 1285—1345, hrsg. von H. Hildebrand, St. Petersburg, 1877.

⁷ W. Stieda, Revaler Zollbücher und Quittungen des 14 Jahrhunderts, Halle, 1887.

⁸ Cp. Wl. Kowalenko. Polska żegluga na Wisle i Bałtyku w XIV i XV w. «Roczniki historyczne», 1948, s. 336—377.

по этому вопросу, нужно прежде всего знать цены на различные сорта сукна в Нидерландах. Торговые книги Фекингусена и Тевтонского ордена изобилуют этими данными. Самым дорогим сортом из фландрских сукон было ипрское сукно. К средним сортам следует отнести турнэйское и сент-омэрское сукно. Штука ипрского сукна в Брюгге стоила 90—100 шиллингов, сент-омэрское расценивалось в 42—46 шиллингов, турнэйское — в 32 шиллинга. И как раз с самым дорогим, ипрским сукном встречаемся мы в древнейшем свидетельстве о новгородско-нидерландской торговле.

На ипрское же сукно совершает в Новгороде Фекингусен ту сделку, запись о которой в его торговой книге является вообще единственной известной исторической науке записью конкретной торговой операции XIV—XV вв., совершенной ганзейским купцом в стенах

Великого Новгорода (она впервые приведена нами в нашей упомянутой выше статье о ганзейской торговле пушниной). Эта запись помимо своей уникальности заслуживает внимания вот еще с какой стороны: ипрское сукно, повидимому, не представляет в Новгороде какой-то исключительной редкости, цена его по отношению к другим товарам далеко не так высока, как это можно было бы в таком случае ожидать. В указанной операции Фекингузен обменивает сукно на белку высшего сорта (так наз. «шёнверк»). Казалось бы, что в том царстве пушнины, каким являлся Новгород, за штуку дорогого и, как думают, редкого заморского сукна можно было бы получать большую партию белки — этого относительно дешевого меха. Во Фландрии можно было бы ожидать обратное соотношение: штука сукна была бы равноценна небольшому количеству белки. В действительности же это оказывается не так. Количественные соотношения между ипрским сукном и беличьим мехом при обмене в Новгороде не так уже значительно разнятся от соотношений в Брюгге. Можно сказать даже, что они очень близки друг к другу. В самом деле, в Новгороде за две штуки ипрского сукна давали одну тысячу белки лучшего сорта, но приблизительно таково же соотношение и в Брюгге, где, судя по ценам, за одну тысячу белки можно было тоже получить две штуки ипрского сукна, правда, наивысшего сорта; если сорт сукна был похуже, то его нужно было дать две с половиной штуки, точнее 2,7. (Действительно, 1000 «шёнверк» стоила в Брюгге 190 шиллингов, штука лучшего ипрского сукна — 95 шиллингов, а сукна второго сорта 70—72 шиллинга).

Таким образом, даже в наивыгоднейшем для нидерландского купца случае разница в цене между Новгородом и Брюгге составляла всего 35%.

В связи с этим чрезвычайно любопытны в деловой переписке Фекингузена свидетельства о большом спросе на ипрское сукно в ливонских городах Ревеле и Дерпте. Контрагент Фекингузена пишет ему из Дерпта в 1407 г.: «Ипрское, поперингское и сент-омэрское сукно берут тут охотнее всего»⁹. В другом случае брат Гильдебранда Фекингузена Зиверт рекомендует ему посылать в Ревель сент-омэрское и ипрское сукно и это, повидимому, не случайное явление, не «каприз моды». В 1420 г. Фекингузену опять пишут из Дерпта, что хорошие деньги можно заработать тут на ипрском и поперингском сукне¹⁰. Можно почти с уверенностью сказать, что речь идет не о сбыте этих сукон в Дерпте или Ревеле, а о продаже их в Новгороде, куда они обычно немедленно переправлялись контрагентами Фекингузена.

Что касается других привозных товаров, то укажем, что соль, которая считается одним из главнейших предметов ввоза в Восточную Балтику, фигурирует и в наших документах, но занимает незначительное место. Следует отметить далее почти полное отсутствие пряностей в операциях Фекингузена с Восточной Балтикой. Это побуждает критически отнестись к довольно широко распроостренному представлению о Брюгге как о западноевропейском центре торговли этим товаром, закупаемым здесь ганзейцами у итальянских купцов. Можно скорее проследить некоторые признаки движения азиатских товаров с Востока на Запад. Почему, в самом деле, в грамоте Иванского братства взнос с низовых купцов взимается перцем? Тевтонский орден, правда, привозит перец из Фландрии, но закупает во Львове у армян имбирь, гвоздику, мускатный орех, а также шелк и отправляет эти товары в Брюгге¹¹.

Если в вопросе о ввозе товаров в Восточную Балтику можно ограничиться лишь некоторыми поправками, то необходимо коренным образом пересмотреть вопрос о вывозе из Восточной Балтики в Нидерланды, так как историки ганзейской торговли допускали при его разрешении крупную, по нашему мнению, методическую ошибку, которая привела их к совершенно неправильным выводам. Для выяснения этого вопроса наилучшим источником является, конечно, таможенная статистика — книги различных таможенных сборов, в которых можно рассчитывать найти данные и о количестве обложенных тем или иным сбором товаров, и о самых суммах сбора. Но, к сожалению, таможенные книги XIV—XV вв. балтийских и нидерландских городов не дошли до нас, за исключением нескольких экземпляров, которых не наберется и десятка. К тому же и эти сохранившиеся книги большей частью не содержат в себе необходимых сведений (указывается, например, только стоимость груза или сумма пошлины, но не дано ни наименования товаров, ни его

количества). Историки Ганзы обратились тогда к другому источнику, а именно к таможенным тарифам, и вот на основании их в литературе появились более или менее длинные списки товаров, будто бы

⁹ Н. Veckinchusen. Briefwechsel, стр. 441, N 435.

¹⁰ Там же, № 45, 234.

¹¹ Sattler, стр. 103, 104, 136.

[454]

привозимых в данный пункт. Чем длиннее список, тем полнее, казалось бы, охвачены экономические связи данного пункта или района. Но при этом совершенно упускается из виду, что подобный каталог, в сущности, очень мало говорит о реальном соотношении вещей. Важно знать не только ассортимент товаров, — гораздо важнее знать количественные отношения отдельных статей ввоза или вывоза. Этому тарифы, очевидно, не дают, и поэтому построенная на них картина получается искаженной.

Что по установившимся представлениям получали Нидерланды из Балтики? В противоположность средиземноморской левантийской торговле дорогими и редкими товарами, предметами роскоши, эта североευропейская торговля представляется торговлей дешевыми и громоздкими товарами. Правда, пушнина занимает в ней видное место, но наряду с ней обычно указывают на большие количества леса, пеньки, сала, ворвани, дегтя и, наконец, хлеба, которые вывозились в Западную Европу из стран, прилегающих к Восточной Балтике.

Наши материалы, отражающие конкретные факты экономической действительности, а не юридические нормы и правила, решительно расходятся с традиционной точкой зрения. Пушнина и воск — вот что почти исключительно вывозит наш ганзейский купец начала XV в. Гильдебранд Фекингусен. Записи о покупке и продаже мехов и воска сотнями заполняют листы его торговых книг. Сделки на другие товары встречаются единицами. Две-три операции с лесом из Риги, две-три операции с хлебом, несколько сделок на сельди, на медь, одна сделка на лен. И Фекингусен не представляет собой исключения; его контрагенты — рижские и дерптские купцы — тоже шлют на запад только меха и воск. Таковы операции его тестя — рижского купца Энгельбрехта Витте. Теми же товарами торгует с Западом дерптский купец Генрих Тите. Но, может быть, мы имеем тут дело с группой коммерсантов, специализировавшихся на этих дорогих товарах? Этого тоже нельзя сказать. Когда английские пираты в 1404 г. захватили три рижских корабля, шедших во Фландрию¹², то на этих трех судах оказались грузы, принадлежащие 108 рижским купцам и 17 дерптским. Последние везли только пушнину и воск; из числа рижан 52 купца также везли только пушнину и воск, и сверх того у 22 купцов груз состоял только из воска. По стоимости груз рижан на 76% состоял из пушнины и воска, и 18% приходилось на лен. Таков вывоз во Фландрию из ливонских городов.

Данные о вывозе из Пруссии рисуют нам ту же картину. Эти данные мы можем почерпнуть не только из бумаг Фекингусена, но и из книг Тевтонского ордена. За последнее десятилетие XIV в. Орден вывозил много янтаря (42% всего вывоза), но 48% экспорта все же составляли пушнина и воск. Если исключить янтарь, который вообще добывался только в Пруссии, во владениях Ордена, то на долю пушнины и воска придется 80% всего экспорта всех остальных товаров. Особенно важно подчеркнуть отсутствие в наших материалах данных об экспорте хлеба, который будет играть такую видную роль в балтийской торговле XVI и особенно XVII в. и который окажет такое большое влияние на экономику и социальные отношения областей Восточной Балтики. Общеизвестно, что из Новгорода хлеб не вывозился. Что же касается Ливонии и в особенности Пруссии, то здесь нам приходится решительно возражать против совершенно искаженной картины будто бы цветущей балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV и начале XV в., нарисованной крупнейшим «специалистом» по вопросам хлебной торговли в средние века, немецким

историком Науде, который в действительности поразительно поверхностно, небрежно и тенденциозно отнесся к материалу первоисточников, в том числе и к торговым книгам Тевтонского ордена.

В связи с отсутствием в торговых документах конца XIV и начале XV в. данных о значительном экспорте хлеба из Балтики, в частности из Пруссии, следовало бы пересмотреть и проверить мнения о вывозе польского хлеба через Данциг в указанный период. Автор старой, но солидной, основанной на хорошем знакомстве с архивными материалами, работы по истории торговли и промышленности Данцига в средние века — Хирш¹³ отрицает факт значительного экспорта хлеба в это время.

Выдвинутая В. Коваленко противоположная точка зрения (автор, впрочем, не останавливается специально на этой проблеме) нам представляется недостаточно убедительно доказанной. Подробнее этот вопрос будет разобран нами в подготовленной к печати статье о нидерландско-балтийской торговле хлебом в начале XV в.

Мы не получим полной картины нидерландско-балтийской торговли, если не попытаемся восстановить хотя бы в некоторых чертах самую деятельность отдельных представителей купечества, принимавшего участие в этой торговле. Мы считаем совершенно необходимым попытаться описать деятельность живых людей, а не «юридических лиц», заключающих сделки той или иной формы в связи с теми или иными «объектами торговли». Если бы удалось дать возможно больше таких описаний, и притом с наибольшим количеством точных деталей, то в своей совокупности они дали бы нам возмож-

¹² Материалы проведенного в 1407 г. во Фландрии специального расследования этого дела опубликованы v. K. Kunze, *Hanseakten aus England, 1275—1412*, Halle, 1891.

¹³ Hirsch, *Handels- und Gewerbegeschichte Danzigs*, Leipzig, 1858.

ность выяснить и установить важные типичные черты балтийско-ганзейской и — даже шире — вообще средневековой торговли. Торговые книги и торговая переписка отдельных купцов представляют для этого неоценимый источник. По отношению к ливонскому купечеству XIV—XV вв. подобная попытка никем не предпринималась, очевидно за невыполнимостью этой задачи. Торговые книги XIV и XV вв. ревальских, рижских и дерптских купцов погибли бесследно. Сохранились ничтожные фрагменты из деловой переписки, которые еще не были изучены исследователями. Однако у нас все же имеется возможность восстановить, и даже довольно детально, некоторые периоды деятельности отдельных ливонских купцов. Дело в том, что их операции могли найти и действительно нашли свое отражение в деловых бумагах их западноевропейских контрагентов. Гильдебранд Фекингузен, архив которого мы изучаем, как раз и являлся одним из таких контрагентов. В своих торговых книгах он вел счета своих ливонских компаньонов, записывая закупленные за их счет и отправленные в Ливонию товары, а также и продажу полученных от них товаров. Чтобы показать, с какими конкретными деталями можно восстановить некоторые моменты деятельности ливонских купцов, о которой мы в сущности не имели никаких конкретных представлений, мы расскажем о торговых операциях тестя Гильдебранда Фекингузена — рижского купца Энгельбрехта Витте. Его операции во Фландрии мы можем проследить на протяжении нескольких лет, с 1404 по 1411 г., когда старый Витте умер. В архиве Фекингузена сохранилось 11 писем Энгельбрехта Витте. Мне удалось точно датировать семь из них, не имевших даты. Все письма относятся к 1405—1406 гг. Далее в торговых книгах Фекингузена имеются как сводные отчеты об операциях за счет Витте, так и параллельные им записи отдельных сделок.

Первую партию товаров, посланную Энгельбрехтом Витте в начале лета 1404 г. во Фландрию, постигла катастрофа: она находилась на тех трех кораблях, которые были захвачены англичанами. Состав этой партии совершенно одинаково описан как в

двух письмах Витте к Фекингузену, так и в списке претензий, представленном английскому правительству. По словам Витте, на двух кораблях он имел 17 кусков воска, общим весом в 13 шифсфунтов, и одну бочку пушнины, содержащую 9120 шкурок нескольких, в общем дешевых, сортов белки. Мы можем точно оценить этот груз, пользуясь прейскурантом, составленным экспертной комиссией, разбиравшей это дело. Воск мог бы быть продан в Брюгге за 78 ливров, а пушнина за 52 ливра; всего, таким образом, за эту партию можно было бы выручить 130 ливров.

24 июля 1404 г., т.е. 4 дня спустя после предполагавшегося прибытия злополучного рижского флота, попавшего вместо Брюгге в руки англичан, в Брюгге прибыла от Витте бочка с пушниной, от продажи которой было выручено 66 ливров 14 шиллингов 6 гротов. Больше никаких отправок грузов из Риги в Брюгге в этом году не было. Таким образом, в 1404 г. оборот Витте во Фландрии, если бы весь груз был продан, составил бы около 200 ливров. Из них на воск пришлось бы 40%, а на пушнину 60%.

Товар, отправленный во Фландрию, сопровождали сын Витте — Бернард Витте, погибший в схватке с английскими пиратами, и племянник Витте — Эверт Снойе, благополучно прибывший в Брюгге со второй партией пушнины.

На вырученные от продажи пушнины деньги Гильдебранд Фекингузен передал Снойе партию сукна. 20 августа Снойе отправился в обратный путь, и 6 октября, как это видно из писем Витте, прибыл в Ригу. Сукно стоило 67 ливров 6 шиллингов 3 грота; оно было трех сортов и упаковано в 3 тюка (так наз. терлинга). В первых двух терлингах было 26 штук широкого турнейского сукна (*brede dornsche*), стоившего по 32 шиллинга кусок, из них 16 кусков темносинего цвета, 3 зеленого, 4 красного. В качестве обертки служили два куска узкого поперингского зеленого сукна по 16 шиллингов за штуку. В третьем терлинге было 25 кусков валансьенского сукна, стоившего 9 ливров 2 шиллинга за кипу, состоящую из 10 кусков. На обертку также пошел кусок зеленого поперингского сукна стоимостью в 16 шиллингов. Можно даже установить, когда и у кого было куплено это сукно. Турнейское сукно было куплено 19 августа у некоего Иоганна Вахтерхалле, который являлся постоянным и исключительным поставщиком этого сукна Фекингузену. Валансьенское сукно Фекингузен тогда же купил у некоего Якова Дефойс. К сожалению, у нас не имеется данных, по какой цене и когда Витте продал полученные товары.

С такими же подробностями можно восстановить фландрские операции Витте и за следующие годы, 1405—1407. С 1 января 1405 г. по 10 июня 1407 г. Витте продал во Фландрии товаров на сумму около 300 ливров, из них на 181 ливр воска и на 113 ливров пушнины. Что же касается его закупок во Фландрии, то теперь наряду с сукном, которого разных сортов было куплено 119 кусков, видное место начинает занимать соль, составлявшая около трети стоимости всех закупок. О значительном ввозе соли в ливонские города мы знали и раньше, но никаких конкретных сведений для данного времени об этом виде торговли почти не имели. Не останавливаясь на деталях, стоит, однако, отметить тот факт, что ливонские купцы не ограничивались закупкой так называемой «байской» соли в Брюгге, но нередко приобретали ее на месте добычи в Бискайском заливе. Так, например, 19 ноября 1409 г. корабль Иоганна Аллерзона, который обычно совершал рейсы между Ливонией и Брюгге, отправился из Брюгге в Бискайский залив за бай-

[456]

ской солью, и Фекингузен от имени Витте вручил капиталу 6 ливров 3 шиллинга, поручив ему закупить 150 мер соли для Витте.

Можно получить весьма конкретное представление о масштабах операций ливонских купцов во Фландрии. Обороты Витте, по крайней мере те, которые он вел при посредстве Фекингузена, а о других мы не имеем никаких сведений, да и едва ли они и имели место, составляют в общем 200—250 ливров в год. И по масштабу и по характеру своих операций Витте не представлял собою какого-либо исключения; такой тип купца — явление обычное в деловом мире ливонских городов.

С такой же детальностью можно восстановить фландрские операции дерптского купца Генриха Тите. Много данных можно получить о торговых делах рижского купца и члена городского совета Гартвига Штэнгуса. Их торговые обороты примерно таких же масштабов, как и у Витте, но самым убедительным является список рижских и дерптских купцов, пострадавших от англичан в 1404 г.¹⁴. В их числе, как мы видели, находился и Витте. Любопытно сопоставить его груз с партиями товаров, которые отправили на злополучных кораблях эти купцы. Можно сказать, что Витте стоит в средних рядах рижского купечества. Есть партии товаров, раза в два большие, чем у него. Но есть немало и более мелких отправителей. Можно сделать еще одно важное наблюдение: торговые сношения с Фландрией не составляют монополии ограниченной купеческой верхушки ливонских городов. В них участвует многочисленное среднее купечество, ведущее операции не крупного масштаба. Восточная Балтика и Фландрия оказываются связанными тонкими, но многочисленными нитями. Эти операции имеют очень большой географический размах, ибо Брюгге и города Ливонии, а в сущности лежащие за нею Новгород и Полоцк, представляют собой крайние периферийные точки обширной области, охваченной ганзейской торговлей. Отдаленность рынков сбыта и закупок отдельного купца, таким образом, вовсе не обусловлены крупными размерами вложенных в торговое предприятие капиталов.

В заключение остановимся на одном из основных вопросов истории средневековой торговли. Это вопрос об уровне цен в разных торговых пунктах, высоте накладных расходов и уровне торговой прибыли. Привлеченный нами материал как архивный, так и уже опубликованный, приводит нас к выводам, идущим вразрез с установившимися взглядами. Эти наши выводы основаны на непреложных цифровых данных, возьмем ли мы отдельные сделки, проследить которые позволяют нам наши материалы, будем ли анализировать крупные операции, заключающие в себе целую совокупность сделок. Но прежде чем привести наши доводы и примеры, мы должны подчеркнуть, что на твердую статистическую базу эти вопросы, по крайней мере для балтийско-нидерландской торговли 14—15 вв., вообще даже и не ставились — за недостатком ли материала, за чрезвычайной ли ограниченностью буржуазных исследователей ганзейской торговли. Что же дают нам эти материалы? Бумаги Фекингузена позволяют нам проследить некоторые его операции от самого начала до конца, от закупки товара в Ревеле, Риге, Данциге до продажи его в Брюгге, сплошь да рядом известно даже имя покупателя или продавца, их местожительство и социальное положение. Необходимо отметить, что для историков средневековой торговли возможность такого детального микроанализа представляет собой исключительно редкий и счастливый случай. Приведем несколько примеров.

Компаньон Фекингузена — рижский купец Гартвиг Штэнгус закупает партию белки на 182 марки 22 эре 2 артига. (Мы умышленно даем совершенно точные цифры без каких-либо округлений, чтобы рельефнее выступили некоторые характерные черты этих операций). Накладные расходы по доставке в Ригу составили 31 эре 2 артига, т.е. всего около 2/3 марки, половина фрахта до Брюгге и на водку матросам — 1/2 марки. Таким образом, накладные расходы в Риге составили всего 1 марку 23 эре, т.е. 1,16 марки, т.е. 0,64% стоимости товара. Столь же низки накладные расходы и в Брюгге, где получатель израсходовал на оплату второй половины фрахта, на «пивные деньги», пошлины, лихтерный сбор всего только 3 шиллинга 7 грот и при продаже уплатил маклерского куртажа 2 шиллинга 10 грот, т.е. всего 6 шиллингов 5 грот. Партия же была продана за 49 ливров 6 шиллингов 5 грот. Накладные расходы составили 0,66% от валовой выручки. Вся сумма накладных расходов составляет таким образом всего 1,25% от валовой выручки. Это ничтожная цифра! Вывод получается совершенно неожиданный, можно сказать — совершенно сокрушающий наши общие традиционные представления о средневековой торговле с ее будто бы колоссальными накладными расходами¹⁵. Как обстоит дело с прибылью? В расчете ее неизбежна некоторая неточность. А именно, при переводе одной валюты в другую всегда возможна некоторая ошибка. К сожалению, у нас нет непосредственных данных о курсе рижской марки во фландрских ливрах, шиллингах и гротах. Расчет приходится делать через любекскую марку.

¹⁴ Kunze, указ. соч.

¹⁵ Совершенно иную картину мы получаем, конечно, если возьмем громоздкие дешевые товары: хлеб, лес. Тут накладные расходы достигали 100% стоимости товара, и это, может быть, было одной из причин слабого, по нашим наблюдениям, развития в XIV — начале XV в. хлебной торговли между Балтикой и Западной Европой.

[457]

записей в бумагах Фекингузена можно считать: 1 ливр = 5,5—6 любекским маркам. В свою очередь курс рижской марки в любекских деньгах составлял официально 36 шиллингов за марку, но нередко был ниже — 32 шиллинга за марку. Берем наиболее низкие курсы рижской марки, т.е. принимаем, что закупка была совершена в наивыгоднейших условиях и должна была дать наибольшую прибыль. Считаем одну рижскую марку равной 32 любекским шиллингам, т.е. двум любекским маркам, т.е. 1/3 фландрского ливра. Тогда валовая выручка от продажи этой партии пушнины составит в рижской валюте 147 рижских марок, т.е. операция дает убыток и притом большой — свыше 20%. Почему он получился? Может быть продешевили при продаже? Это легко можно проверить, ибо и в книгах Фекингузена и в книгах Ордена имеются сотни записей цен на белку и, в частности, на тот сорт ее, который фигурировал в рассматриваемой партии, а именно шёневерк.

Партия была продана в самом деле не дорого — по 9 ливров за тысячу, но не намного ниже обычных цен, которые колебались около 10 ливров, но очень редко поднимались до 10,5 ливров. Но беря и эту максимальную цену, мы получаем возможную максимальную выручку в 57,25 ливров, что составит максимум 172 рижские марки и, таким образом, даже не покроеет себестоимости. Может быть мы имеем дело с исключительно неудачной операцией, но аналогичные результаты дают и некоторые другие сделки¹⁶. Мы имеем точные данные по 10 операциям, произведенным в Данциге в 1416—1417 гг. Три из них дали убыток, две — небольшую прибыль. В остальных случаях прибыль была значительна — до 35%, но все же средний уровень ее очень невысок для средневековых условий, а именно 5%, и основная причина этого факта — не высокие накладные расходы (они и в этих случаях ничтожны — около 2%), а незначительная разница в уровне цен на брюггском, ливонском, прусском и, что особенно важно, на новгородском рынке, ибо он в конце концов являлся определяющим фактором. Нам возражат: как можно что-либо говорить о ценах в Новгороде, когда в находящихся в научном обороте материалах о них не имеется никаких данных?

Проблема цен на новгородском рынке экспортных товаров, каковыми, как мы видели, являются пушнина и воск, этот в сущности важнейший вопрос внешней торговли Новгорода, представляла собой действительно абсолютно «белое пятно». Для конца XIV и начала XV в. она даже не ставилась за полной, казалось бы, невозможностью ее разрешения ни на основании русских, ни на основании западноевропейских источников. А между тем у исследователей под руками давно уже был материал, который позволяет нам заглянуть в экономику Новгорода глубже, чем это было до настоящего времени, и на поставленный, в частности, вопрос дает если не исчерпывающий, то довольно точный ответ. Мы имеем в виду торговые книги Тевтонского ордена, содержащие в себе уникальные данные для характеристики новгородского рынка, а именно краткие отчеты о поездках приказчиков Ордена в Новгород за пушшиной и воском. Тот факт, что эти данные находятся в материалах Тевтонского ордена и, казалось бы, в первую очередь освещают торговые сношения Новгорода с Тевтонским орденом, отнюдь не должен смущать исследователя нидерландско-балтийской торговли. Данциг, куда в адрес Ордена прибывали новгородские и рижские товары, был для них лишь кратковременной стоянкой: не меняя владельца, они переправлялись Орденом в Брюгге и там вместе с прусскими товарами — медью и в особенности янтарем — продавались представителями Ордена.

В записях точно указаны количество и стоимость серебра, которое берут с собой приказчики в Новгород для покупки товаров, и даны точные описи купленных на это серебро товаров. Правда, при этом не указаны цены на тот или иной сорт. Но зная цены различных сортов пушнины и цены воска на данцигском и брюггском рынках (об этом имеются сотни записей и в книгах Ордена, и в материалах Фекингузена), нетрудно установить соотношение цен этих товаров. Допуская такое же соотношение и на новгородском рынке, а это вполне допустимо, ибо и в Брюгге и в Данциге продавался преимущественно новгородский товар, зная точно количество каждого товара и всю затраченную на его покупку сумму, мы можем, пользуясь правилом смешения, вычислить новгородские цены и в прусской, и в фландрской валюте, и в весовых количествах серебра. Вот примеры цен, полученных таким образом. За время с 1398 по 1403 гг. белка сорта шёневерк стоила в Новгороде в прусских марках от 30 до 33 1/2 марок. Цены на воск колебались за тот же период от 16 до 18 марок. Нечего и говорить, какое значение как твердый базис для дальнейших построений в области экономической истории Новгорода могут иметь эти цифры даже сами по себе. Но значение их, как мы сейчас увидим, выходит далеко за пределы новгородской экономики.

На основании орденских материалов нетрудно вычислить разницу между новгородскими и западными ценами и, таким образом, определить высоту прибыли. Необходимых данных о накладных расходах тоже вполне для этого достаточно. Приведем пример таких расчетов. В 1398 г. приказчики Ордена закупили в Новгороде товара на 3766 прусских марок, что по курсу — 1 ливр = 3,5 прусской марки — составляет 1076 ливров. Расценим весь этот товар по брюггским ценам: окажется-

¹⁶ Эти операции, так же как и вышеприведенная, детально описаны в указанной нашей статье о ганзейской торговле пушниной. [458]

ся, что в Брюгге за эту партию пушнины и воска можно было бы выручить около 1160 ливров. Мы получаем, таким образом, разницу между себестоимостью и валовой выручкой меньше чем 100 ливров — 86 ливров, т.е. меньше 8%. Если отсюда еще вычесть накладные расходы,— правда, вопреки общепринятой точке зрения, тоже весьма небольшие: их можно считать около 2%,— то чистая прибыль составит не больше 6%. Таким образом, орденский материал приводит нас к тем же результатам, что и наблюдения над торговыми операциями Фекингузена.

Каковы же наши выводы? Необходимо покончить с мифом о громадной разнице в ценах на различных рынках Балтики и Нидерландов, о чудовищных барышах, несколько будто бы снижаемых большими накладными расходами. Разница в ценах не велика. Накладные расходы ничтожны. Уровень прибыли не высок.

Торговля со странами Восточной Европы и Новгородом отнюдь не имела характера «колониальной торговли». Ганзейский купец вовсе не диктовал своих цен на новгородском рынке. Новгородское купечество могло их держать на достаточно высоком уровне, предоставляя западноевропейскому купцу довольствоваться лишь относительно умеренной прибылью.

Вместе с тем торговля и с Восточной Балтикой, и в особенности с Новгородом занимала очень важное место в жизни важнейшего торгового узла Западной Европы — Брюгге. Если Брюгге можно считать западным центром балтийско-нидерландской торговли, то с не меньшим правом ее восточным центром мы можем считать Новгород. [459]